

УДК 32.00

Г. В. Волгушев [G. V. Volgushev]

**СТАНОВЛЕНИЕ НОВЫХ НЕФОРМАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИК
РАДИКАЛЬНЫХ ИСЛАМИСТОВ****THE FORMATION OF A NEW INFORMAL POLITICAL PRACTICES
OF ISLAMIC RADICALS**Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия,
г. Черкесск, Карачево-Черкесская республика, Россия, e-mail: ab-ww@mail.ru

Аннотация. «Исламское государство» или «Исламское государства Ирака и Леванта» (ИГ или ИГИЛ), закат которого был приближен силами российских вооруженных сил в 2017 году, в течение трех лет существования продемонстрировал становление неформальных политических практик радикальных исламистов, которые ранее не практиковались исламистами и не были спрогнозированы научным сообществом. В итоге неформальные политические практики радикального исламизма претерпели не только количественные изменения, но качественные. Сама же сущность рассматриваемого феномена не претерпела изменений, она осталась на уровне террора, недопустимых, запрещенных законами стран и народов практик борьбы с «неверными» и светскими правительствами.

Материалы и методы. В качестве основной методологии в данном исследовании функционально-сравнительного анализа позволяет акцентировать внимание на общих свойствах и современных тенденциях феномена и способствует раскрытию функциональной сущности радикального исламизма и основных характеристик рассматриваемых практик.

Результаты. Следовательно, неформальные политические практики радикального исламизма мы отнесем к разряду иррациональных, поскольку они основаны на нелегитимности и противоречии принятым в обществе законам и правилам. Речь идет об иррациональной политической активности субъектов политики, отрицающих авторитет власти с целью продвижения интересов отдельных групп или организаций, когда общество не принимает методы декларируемой «борьбы».

Заключение. Научное и общественное внимание позволяет рассмотреть все аспекты данной проблемы, поскольку это политические практики, полагаясь на которые радикальные организации добиваются трансформации политического процесса на разных уровнях и разных масштабах.

Ключевые слова: радикальный исламизм, неформальные политические практики радикального исламизма, экстремизм, терроризм.

Abstract. "Islamic state" (IG or ISIL), the decline of which was approached by the forces of the Russian army in 2017, within three years of its existence demonstrated the formation of informal political practices of radical Islamists, which were not previously practiced by Islamists and were not predicted by the scientific community. As a result, the informal political practices of radical Islamism have undergone not only quantitative but qualitative changes. The very same essence of the phenomenon under consideration has not changed, it has remained at the level of terror, unacceptable practices prohibited by the laws of countries and peoples to combat "infidels" and secular governments.

Materials and methods. As the main methodology in this study of functional-comparative analysis allows to focus on the General properties and current trends of the phenomenon and contributes to the disclosure of the functional essence of radical Islamism and the main characteristics of the practices.

Results. Therefore, we will classify the informal political practices of radical Islamism as irrational, since they are based on illegitimacy and contradiction to the laws and rules adopted in society. We are talking about the irrational political activity of political actors who deny the authority of the authorities in order to promote the interests of individual groups or organizations, when society does not accept the methods of the declared "struggle".

Conclusion. Scientific and public attention allows us to consider all aspects of this problem, because these are political practices, relying on which radical organizations are seeking to transform the political process at different levels and on different scales.

Key words: radical Islamism, informal political practices of radical Islamism, extremism, terrorism.

Введение. Проблема борьбы с терроризмом встает особенно остро в современном обществе рисков и угроз. Как пишут исследователи, необходимы новые комплексные меры, адекватные современным тенденциям развития неформальных политических практик радикального исламизма [1, 70]. Предупредительное воздействие на идеологию религиозного терроризма следует реализовывать, принимая во внимание тот факт, что все без ис-

ключения религии отрицают элементы террористической идеологии, хотя непосредственно объединены с национально-культурными особенностями конкретных народов. Следует понять, что негативная социально-экономическая обстановка содействует проявлению отрицательных сторон вероучений, и наоборот [17, 350].

Методы анализа. Предполагаем, что выбор в качестве основной методологии в данном исследовании функционально-сравнительного анализа позволит акцентировать внимание на общих свойствах и современных тенденциях феномена, будет способствовать раскрытию функциональной сущности радикального исламизма и основных характеристик рассматриваемых практик. Следуя принципу Ю. В. Ирхина «эмпирической проверяемости и объективности» [6, 5–20], ориентиром для которого служат конкретные политические события, перечислим ряд новых неформальных политических практик радикального исламизма.

Основная часть исследования. Рассмотрим ряд неформальных политических практик радикальных исламистов:

- практика построения квази-государства с жесткой вертикалью власти и строжайшей дисциплиной, которая соответствует положению военного времени. (Немотивированная жестокость руководства уничтожает все виды совещательности и несанкционированной инициативы. Так же, как и в военное время, допускается немотивированная жестокость низового уровня в отношении пленных, захваченного населения, грабежа и захвата военных трофеев). В то же время исследователи часто склонны крайне узко рассматривать данную проблему, относя к методам государственного терроризма только поддержку террористических организаций [2, 410].

- практика построения финансово самостоятельной и корпоративной военной организации. Речь идет о принципах построения организации, где боевики связаны с руководством посредством общего террора; где религиозные воззвания подкрепляются для сторонников осязаемыми земными благами. Это могут быть невольничьи рынки наложниц, мародерство, финансовые премии и т.д.;

- практика тотального насилия с элементами круговой поруки, основанные на фанатизме, выраженном формулой «кто против наших порядков – тот неверный, следовательно, его жизнь и имущество в наших руках»,

- практика отсутствия политических уступок, полутонов, только «шариат и халифат здесь и сейчас [9];

- практика террора над населением, несогласным с нововведениями шариата в средневековом варианте.

Так, по свидетельствам очевидцев, их «как стадо силком загоняли на пятикратную молитву в мечети», «уклоняющимся не одобровать, страшно вспомнить, что им грозит»; «по улицам городов шныряют отряды нравственной полиции – «хисбы» и женского подразделения блюстительниц порядка – «хаснаа», которые могут арестовать мужчину, если увидят, что он переговаривается с женщиной на улице или бьют бамбуковой палкой женщин по спине на улице, увидев, что «она приподняла покрывало, чтобы поближе рассмотреть товар, который покупает» [14] и т.д.

Подобные политические практики не могли не вызвать волну миграции из ряда стран, где были не согласны с нововведениями. Тем не менее, ИГИЛ удалось поставить под контроль две трети территории Сирии и территорию Ирака к северу и западу от Багдада в 2015 году. Учитывая, что только за год общее количество террористических атак со стороны радикальных исламистов выросло на 35 %, действия политического руководства многих стран, в том числе и Российской Федерации, в 2015–2016 годах были посвящены борьбе с ИГИЛ, с участием вооруженных сил.

Вызывает настороженность тот факт, что ряды ИГИЛ добровольно пополнились 25 тысячами человек более чем из ста стран мира только за первые полгода 2015 года. Выраженная религиозная направленность радикалов, прикрывающихся знаменем ислама, привела к тому, что служить ИГИЛ отправляются молодые люди, которых нельзя было заподозрить в преданности боевикам. В частности, специалист высокого уровня, глава таджикской антитеррористической программы, проходивший стажировку в США, покинул свой пост и добровольно примкнул к Исламскому государству.

К следующей неформальной политической практике радикального исламизма отнесем усилившуюся вербовку в террористические организации, так как вполне очевидно, что процесс становления радикальной религиозной ориентации адептов предшествует успешный процесс вербовки. Система вербовки – весьма значимая область исследования, глубокая по сути и содержанию, поэтому в целях нашего исследования ограничимся краткой схемой вербовки, обозначенной А. Хаминским, руководителем НДЦ клинической психиатрии, который правомерно считает, что процесс вербовки проходит по системе ДИСКО (деньги, идеология, секс, компрометирующие материалы) [7].

Неформальной политической практикой радикального исламизма, на которой хотелось бы заострить внимание, является усилившаяся практика отсутствия политических уступок. Ранее радикальные группировки периодически вступали в коалиционные отношения с представителями других идеологических взглядов, вплоть до союзничества в определенные моменты с умеренными исламистами, суфиями и даже светскими либеральными группами. Например, наиболее отличающаяся в ряду остальных непримиримыми взглядами, «Джабхат ан-Нусра» («Нусра», отделение «Аль-Каиды» в Сирии), периодически входила в союзнические отношения с суфиями, светскими демократическими группировками, к коим мы можем отнести, например, «Свободную Армию», и с умеренными исламистами из организации «Братья-мусульмане». Отныне любые союзнические отношения со стороны ИГИЛ были объявлены вероотступничеством. В соответствии с данной политической позицией радикальные исламисты нового квази-государства объявили войну всем исламистским группировкам, которые не согласны с ведением бескомпромиссной войны без коалиций и каких-либо договоренностей с противником.

На контролируемых ИГИЛ территориях были установлены законы в соответствии с нормами шариата, которые запрещают под страхом смертной казни вероотступничество, а так же любые формы гомосексуальных отношений и супружескую измену. Курение табака и употребление алкоголя так же в понимании радикальных исламистов сурово наказуемо. В январе 2016 года в интернете распространили видео, демонстрирующее, как представители правоохранительных органов, лояльные ИГИЛ, сбрасывают иракского мужчину, обвиняемого в гомосексуализме, с крыши здания в провинции аль-Фурат [15]. Преступные политические практики группировки ИГИЛ, от поддержки которых отказалась даже «Аль-Каида», отличаются особой жестокостью: убийства политических заложников на камеру, массовые казни всех, кто причислен к политическим противникам. «ИГИЛ не является отделением движения Аль-Каида. Мы не поддерживаем с ним никаких связей и не можем нести ответственность за её действия» [16], - говорилось в заявлении руководства Аль-Каиды.

Перечисленные практики и методы построения общества, которые демонстрировало руководство ИГ на захваченной территории Сирии и Ирака, политический строй и принципы Халифата, – кардинально отличаются от демократии в сторону тотального государства и напоминают фашистский террор с той лишь разницей, что идеология фашистов строилась на нацизме, а идеология ИГ строится на религиозной почве, что навело французского политолога Тьерри Вольтона на справедливую мысль о том, что исламизм – это форма вырождения и деградации традиционного ислама. Приверженность адептов радикального исламизма к практике терроризма и тотальный контроль всех сфер жизни человека с насаждением идеологии религиозно-политического фанатизма дали возможность предположить, что радикальный исламизм стал по существу третьей тоталитарной идеологией, после фашизма и коммунизма.

Отметим следующую новейшую практику радикальных исламистов, которая находится в диапазоне террористических практик – это использование дронов-убийц в атаках на военные базы противника и мирные города, оснащенных минами, гранатами или химическими боеприпасами (впервые опробована 6 января 2018 года против российских военных) [3]. Возможную атаку дронами, оснащенными поражающими боеприпасами, военные аналитики относят к числу общемировой проблемы, так как «стая в сотни или даже тысячи маленьких, размером с воробья, аппаратов, да еще наделенных искусственным интеллектом» – способна нанести сокрушительный удар по мирному населению любого города [5].

Другой неформальной политической практикой радикального исламизма является формирование политических финансов с целью использования в политической деятельности исламистов. Термин «политические финансы», «политическое финансирование» – зонтичные термины, означающие «деньги в политике» как средства, влияющие на политические процессы [19]. Соглашаясь с исследователем, под термином политические финансы мы подразумеваем все средства, которые привлекаются и расходуются для политических целей и политических практик. Полагаем, что политические финансы радикальных исламистов обеспечивают капитализацию политических практик, требующих финансовых вложений.

Политические финансы радикального исламизма складываются из разных источников. В частности, захваченные исламистами ИГИЛ в 2014 году у официального Багдада нефтеперерабатывающий завод в Байджи и 240 квадратных километров нефтяных месторождений позволили им несколько лет торговать нефтью по демпинговым ценам. Две трети дохода уходило на выплату зарплаты боевикам, что составляло примерно \$600 млн в год [8]. Таким образом, террористы-предприниматели зарабатывали более 5 млн. долларов в день только на продаже контрабандной нефти [11]. Дополнительно отметим весьма доходный промысел, основанный на продаже

заложников. В январе 2015 года исламисты, после казни британских и американских заложников, выкуп за которых не получили, потребовали 200 миллионов долларов за двух японских заложников. Впоследствии японцы-заложники были казнены [13]. Другие трое японцев, которых угрожали убить, «если Япония не выведет свои войска из Ирака», были спасены при содействии Комитета мусульманских улемов [4].

По аналитическим оценкам политические финансы радикального исламизма в большинстве случаев складываются из «эксов» - экспроприации различных ресурсов [12]. Но отметим весьма опасную новейшую практику радикального исламизма в обеспечении процесса политического финансирования – это использование криптовалютных операций, где присутствует полная анонимность и отсутствуют посредники, благодаря использованию блокчейнов (платформы blockchain [18]) – система которых появилась относительно недавно. Е. В. Сальников и И. Н. Сальникова справедливо указывают, что «Инновационность криптовалюты в том и заключается, что она предлагает качественно новую модель движения финансовых потоков в терроре» [18]. Использование криптовалюты упрощает задачу обеспечения капитализации преступных политических практик современного радикального исламизма, более того, можно с полным правом утверждать, что политическая практика радикального исламизма – формирование политических финансов - приобретает невиданные ранее возможности финансирования терроризма.

Внутренние корреляции факторов. Вышеприведенный анализ неформальных политических практик радикального исламизма в полной мере подтверждает методологическую установку, что «институционализация неформальных практик означает, что они обретают устойчивость и повторяемость в силу своего соответствия базовым ценностям группы» [10]. Действительно, становление неформальных политических практик радикального исламизма свидетельствует о том, что существуют политические акторы, коллективные или индивидуальные, бросающие вызов цивилизационным устоям современных обществ. В итоге коллективные действия радикальных исламистов трансформируют политический процесс, размывая центрирующую роль политики.

Виды неформальных политических практик радикального исламизма расширяются. С применением последних новейших неформальных политических практик радикального исламизма, таких как использование криптовалютных операций и использование дронов-убийц – опасность радикального исламизма возросла в ранее неизведанных и угрожающих масштабах.

Осознание расширения спектра неформальных политических практик основной тенденцией развития радикального исламизма позволяет выявить ряд общих характеристик, присущих политическим практикам радикального исламизма:

- отсутствие легитимного контакта с институтами власти,
- отсутствие учета общественного мнения,
- непрогнозируемость поведенческих актов,
- спонтанность или, наоборот, тщательное планирование неформальных политических практик,
- негативная результативность и т.д.

Выводы исследования. Перечисленные неформальные политические практики современного радикального исламизма говорят о том, что радикальные организации исламистов приобрели элементы:

- структур организованной преступности,
- сетевой террористической организации,
- радикально-революционного движения,
- транснациональной корпорации;
- теневого бизнеса,
- мафиозной сети,
- тоталитарной секты,
- тоталитарной идеологии,
- вооруженных формирований и т.д.

Следовательно, неформальные политические практики радикального исламизма мы отнесем к разряду иррациональных, поскольку они основаны на нелегитимности и противоречии принятым в обществе законам и правилам. Речь идет об иррациональной политической активности субъектов политики, отрицающих авторитет власти с целью продвижения интересов отдельных групп или организаций, когда общество не принимает методы декларируемой «борьбы». Мы можем говорить о стремлении радикальных исламистов:

- к увеличению потенциала власти,

- к максимальному влиянию на политическую власть или к ее захвату,
- к переделу ресурсов в различных сферах и т.д.

Заключение. Отметим, что это те события, которые не могут остаться без соответствующей политической реакции. Они должны концентрировать научное и общественное внимание и направлять его на все аспекты рассматриваемой проблемы, поскольку это политические практики, полагаясь на которые радикальные организации добиваются трансформации политического процесса на разных уровнях и разных масштабов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боташева А. К. Эскалация государственного терроризма // *Власть*. 2009. №4. С. 69-72.
2. Боташева А. К. Современный терроризм: проблемы классификации видов // *Право и политика*. 2008. № 10. С. 2311-2319.
3. В ночь на 6 января боевики в Сирии впервые массово использовали беспилотники для атаки на российские военные объекты. URL: <https://dailystorm.ru/genshtab-rasskazal-o-konstrukcii-dronov-atakovanvshih-aviabazu-hmeymim>
4. В четверг в Ираке были освобождены из плена трое японских заложников. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/43199/>
5. Города беззащитны перед атакой дронов. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2974474&tid=95994>
6. Ирхин Ю. В. Политический анализ: сущность, методология, структура, ценности и этика // *ARS ADMINISTRANDI*. 2012. № 1. С. 5-20.
7. Как террористы из ИГИЛ вербуют женщин в Интернете. URL: <https://lady.mail.ru/article/488295-kak-terroristy-iz-igil-verbujut-zhenshhin-v-internete/> (дата обращения 24.11.2015)
8. Какая зарплата у боевиков ИГИЛ – данные Financial Times. URL: <http://islamreview.ru/news/kakaa-zarplata-u-boevikov-igil-dannye-financial-times/> (дата обращения 17 декабря 2015 г.)
9. Мухаметов Р. «Исламское государство»: история, состав, идеи и практика. URL: dagestanpost.ru...istoriya-sostav-idei-i-praktika
10. Подхомутникова М. В. Неформальные политические практики в современной России: субъекты институционализации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Краснодар, 2010. С. 14.
11. Полуниин А. Нефтяная лавка джихада. URL: <http://svpressa.ru/war21/article/100327/>
12. Сальников Е. В., Сальникова И. Н. Криптовалюта как инновация экономики террора // *Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ»*. 2016. Том 8. №3. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/86EVN316.pdf>
13. СМИ: боевики ИГ разместили видеозапись казни японского заложника. URL: <http://ria.ru/world/-20150131/1045202557.html>
14. С берегов Евфрата на остров Лесбос. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2279484>
15. Террористы ИГИЛ сбросили обвиняемого в гомосексуализме с крыши здания. URL: <http://pandoraopen.ru/2016-01-18/siriya-igil-poslednie-novosti-18-yanvarya-2016/#1453118439>
16. Что такое ИГ? URL: https://news.mail.ru/card/6/#card_2015 (дата обращения 17 декабря 2015 г.)
17. Худяков И. Ф., Боташева А. К., Миргород Д. А., Дегоев В. В. Внешняя политика США на Ближнем Востоке в контексте политической трансформации региона // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. 2013. № 4. С. 350-353.
18. Blockchain – распределенная база данных для общего пользования. URL: http://real-investment.ru/finansovaja_gramotnost/blokchejn_blockchain_chno_ehto_takoe_prostymi_slovami
19. Heidenheimer Arnold J. Comparative Political Finance. The Financing of Party Organizations and Electoral Campaigns. Lexington MA: Heath, 1970. 195 p.

REFERENCES

1. Botasheva A. K. Eskalaciya gosudarstvennogo terrorizma // *Vlast'*. 2009. №4. S. 69-72.
2. Botasheva A. K. Mezhdunarodnye otnosheniya: vzaimoobuslovennost' gosudarstvennogo i mezhdunarodnogo terrorizma // *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2012. № 1. S. 408-410.
3. V noch' na 6 yanvarya boeviki v Sirii vpervye massovo ispol'zovali bespilotniki dlya ataki na rossijskie voennye ob"ekty. URL: <https://dailystorm.ru/genshtab-rasskazal-o-konstrukcii-dronov-atakovanvshih-aviabazu-hmeymim>
4. V chetverg v Irake byli osvobozhdeny iz plena troe yaaponskih zalozhnikov. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/43199/>
5. Goroda bezzashchitny perez atakoj dronov. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2974474&tid=95994>
6. Irhin Yu. V. Politicheskij analiz: sushchnost', metodologiya, struktura, cennosti i ehtika // *ARS ADMINISTRANDI*. 2012. № 1. S. 5-20.
7. Kak terroristy iz IGIL verbuyut zhenshhin v Intenete. URL: <https://lady.mail.ru/article/488295-kak-terroristy-iz-igil-verbujut-zhenshhin-v-internete/> (data obrashcheniya 24.11.201 5)

8. Kakaya zarplata u boevikov IGIL - dannye Financial Times. URL: <http://islamreview.ru/news/kakaa-zarplata-u-boevikov-igil-dannye-financial-times/> (data obrashcheniya 17 dekabrya 2015 g.)
9. Muhametov R. «Islamskoe gosudarstvo»: istoriya, sostav, idei i praktika. URL: dagestanpost.ru...istoriya-sostav-idei-i-praktika
10. Podhomutnikova M. V. Neformal'nye politicheskie praktiki v sovremennoj Rossii: sub"ekty institucionalizacii: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. Krasnodar, 2010. S. 14.
11. Polunin A. Neftyanaya lavka dzhihadu. URL: <http://svpressa.ru/war21/article/100327/>
12. Sal'nikov E. V., Sal'nikova I. N. Kriptoalyuta kak innovaciya ehkonomiki terrora // Internet-zhurnal «NAUKOVEDENIE». 2016. Tom 8. №3. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/86EVN316.pdf>
13. SMI: boeviki IG razmestili videozapis' kazni yaponskogo zalozhnika. URL: <http://ria.ru/world/20150131/1045202557.html>
14. S beregov Evfrata na ostrov Lesbos. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2279484>
15. Terroristy IGIL sbrosili obvinyaemogo v gomoseksualizme s kryshi zdaniya. URL: <http://pandoraopen.ru/2016-01-18/siriya-igil-poslednie-novosti-18-yanvarya-2016/#1453118439>
16. CHto takoe IG? URL: https://news.mail.ru/card/6/#card_2015 (data obrashcheniya 17 dekabrya 2015 g.)
17. Hudyakov I. F., Botasheva A. K., Mirgorod D. A., Degoev V. V. Vneshnyaya politika SSHA na Blizhnem Vostoke v kontekste politicheskoy transformacii regiona // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2013. № 4. S. 350-353.
18. Blockchain – raspredelennaya baza dannyh dlya obshchego pol'zovaniya. URL: http://real-investment.ru/finansovaja_gramotnost/blokchejn_blockchain_chno_ehto_takoe_prostymi_slovami
19. Heidenheimer Arnold J. Comparative Political Finance. The Financing of Party Organizations and Electoral Campaigns. Lexington MA: Heath, 1970. 195 p.

ОБ АВТОРЕ

Волгушев Григорий Владимирович, аспирант кафедры философии и гуманитарных дисциплин Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии (369001, г. Черкесск, ул. Ставропольская, 36.; +7 (8782) 29-36-35, kchgta@mail.ru); e-mail: Grigorii_Volgush@mail.ru

Volgushev Grigory Vladimirovich, Postgraduate of the Department of philosophy and Humanities the North-Caucasus Humanities and technology state Academy (369001, Cherkessk, Stavropol str., 36.; +7 (8782) 29-36-35, kchgta@mail.ru); e-mail: Grigorii_Volgush@mail.ru

Дата поступления 02.02.2019